

Корнелий Тацит

Анналы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 93
ББК 63.3

Корнелий Тацит

Анналы / Корнелий Тацит – М.: Книга по Требованию, 2011. – 284 с.

ISBN 5-02-028170-0

Великий труд древнеримского историка Корнелия Тацита «Анналы» был написан позднее, чем его знаменитая «История» – однако посвящен более раннему периоду жизни Римской империи – эпохе правления династии Юлиев – Клавдиев. Под пером Тацита словно бы оживает Рим весьма неоднозначного времени – периода царствования Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона. Читатель получает возможность взглянуть на портрет этих людей (и равно на «портрет» созданного ими государства) во всей полноте и объективности исторической правды.

ISBN 5-02-028170-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Корнелий Тацит
Анналы

Книга I

1. Городом Римом от его начала правили цари:¹ народовластие и консулат установил Луций Брут. Лишь на короткое время вводилась единоличная диктатура²; власть диктаторов длилась не дольше двух лет³, недолго существовали и консульские полномочия военных трибунов⁴. Ни владычество Цинны, ни владычество Суллы не было продолжительным, и могущество Помпея и Красса вскоре перешло к Цезарю, а оружие Лепида и Антония — к Августу, который под именем принцепса⁵ принял под свою руку истомленное гражданскими раздорами государство. Но о древних делах народа римского, счастливых и несчастных, писали прославленные историки; не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возматывавшее пресмыкательство пред ним. Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, покуда они были всемогущими, из страха пред ними были излагаемы лживо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах рассказав о событиях под конец жизни Августа, повести в дальнейшем рассказ о принцепате Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия, причины которых от меня далеки.

2. Когда после гибели Брута и Кассия⁶ республиканское войско перестало существовать и когда Помпей был разбит у Сицилии⁷, отстранен от дел Лепид⁸, умер Антоний⁹, не осталось и у юлианской партии¹⁰ другого вождя, кроме Цезаря, который, отказавшись от звания триумвира, именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунской властью для защиты прав простого народа¹¹, сначала покориł своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу и всех вместе — сладостными благами мира, а затем, набираясь мало-помалу силы, начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций¹², а остальные из знати, осыпанные им в меру их готовности к раболепию богатством и почестями и возвысившиеся благодаря новым порядкам, предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому. Не тяготились новым положением дел и провинции: ведь по причине соперничества знати и алчности магистратов доверие к власти, которой располагали сенат и народ, было подорвано, и законы, нарушаемые насилием, происками, наконец подкупом, ни для кого не были надежною защитой.

3. И вот Август, стремясь упрочить свое господство, возвеличил Клавдия Марцелла, еще совсем юного сына своей сестры, сделав его верховным жрецом¹³, а также курульным эдилом¹⁴, и Марка Агриппу, родом незнатного, но хорошего полководца, разделявшего с ним славу победы, — предоставляя ему консульство два года сряду¹⁵ и позднее, после кончины Марцелла, взяв его в зятья. Своих пасынков Тиберия Нерона и Клавдия Друза¹⁶ он наделил императорским титулом, хотя все его дети были тогда еще живы. Ведь он принял в род Цезарей¹⁷ сыновей Агриппы, Гая и Луция, и страстно желал, чтобы они, еще не снявшие отроческую претексту¹⁸, были провозглашены главами молодежи¹⁹ и наперед избраны консулами²⁰, хотя по видимости и противился этому. После того как Агриппы не стало, Луция Цезаря, направлявшегося к испанским войскам, и Гая, возвращавшегося

из Армении с изнурительной раной, унесла смерть, ускоренная судьбой или кознями мачехи Ливии, а Друз умер еще ранее, Нерон остался единственным пасынком принцепса. Все внимание теперь устремляется на него одного. Август усыновляет его, берет себе в соправители, делит с ним трибунскую власть; и уже не в силу темных происков Ливии, как прежде, — теперь его открыто почитают и превозносят во всех войсках. Более того, Ливия так подчинила себе престарелого Августа, что тот выслал на остров Планазию единственного своего внука Агриппу Постума, молодого человека с большой телесной силой, буйного и неотесанного, однако не уличенного ни в каком преступлении. Правда, во главе восьми легионов на Рейне Август все же поставил сына Друза — Германика и приказал Тиберию усыновить его: хотя у Тиберия был родной сын юношеского возраста²¹, представлялось желательным укрепить семью дополнительными опорами. Войны в эти годы не было, за исключением войны против германцев, продолжавшейся скорее для того, чтобы смыть позор поражения и гибели целого войска вместе с Квинтилием Варом, чем из стремления распространить римскую власть или ради захвата богатой добычи. Внутри страны все было спокойно, те же неизменные наименования должностных лиц; кто был помоложе, родился после битвы при Акции, даже старики, и те большей частью — во время гражданских войн²². Много ли еще оставалось тех, кто своими глазами видел республику?

4. Итак, основы государственного порядка претерпели глубокое изменение, и от общественных установлений старого времени нигде ничего не осталось. Забыв о еще недавнем всеобщем равенстве, все наперебой ловили приказания принцепса; настоящее не порождало опасений, покидая Август, во цвете лет, деятельно заботился о поддержании своей власти, целостности своей семьи и гражданского мира. Когда же в преклонном возрасте его начали томить недуги и телесные немощи и стал приближаться его конец, пробудились надежды на перемены и некоторые принялись толковать впустую о благах свободы, весьма многие опасались гражданской войны, иные — желали ее. Большинство, однако, на все лады разбирало тех, кто мог стать их властелином: Агриппа — жесток, раздражен нанесенным ему бесчестьем и ни по летам, ни по малой опытности в делах непригоден к тому, чтобы выдержать такое бремя: Тиберий Нерон — зрел годами, испытан в военном деле, но одержим присущей роду Клавдиев надменностью, и часто у него прорываются, хотя и подавляемые, проявления жестокости. С раннего детства он был воспитан при дворе принцепса; еще в юности превознесен консульствами и триумфами²³; и даже в годы, проведенные им на Родосе под предлогом уединения, а в действительности изгнанныком²⁴, он не помышлял ни о чем ином, как только о мести, притворстве и удовлетворении тайных страстей. Ко всему этому еще его мать с ее женской безудержностью: придется рабски повиноваться женщине и, сверх того, двоим молодым людям²⁵, которые какое-то время будут утешать государство, а когда-нибудь и расчленят его.

5. Пока шли эти и им подобные толки, здоровье Августа ухудшилось, и некоторые подозревали, не было ли тут злого умысла Ливии. Ходил слух, что за несколько месяцев перед тем Август, открывшись лишь немногим избранным и имея при себе только Фабия Максима, отплыл на Планазию, чтобы повидаться с Агриппой: здесь с обеих сторон были пролиты обильные слезы и явлены сви-

детельства взаимной любви, и отсюда возникло ожидание, что юноша будет возвращен пенатам деда; Максим открыл эту тайну своей жене Марции, та — Ливии. Об этом стало известно Цезарю: и когда вскоре после того Максим скончался, — есть основания предполагать, что он лишил себя жизни, — на его похоронах слышали причитания Марции, осыпавшей себя упреками в том, что она сама была причиною гибели мужа. Как бы то ни было, но Тиберий, едва успевший прибыть в Иллирию, срочно вызывается материнским письмом; не вполне выяснено, застал ли он Августа в городе Ноле еще живым или уже бездыханным. Ибо Ливия, выставив вокруг дома и на дорогах к нему сильную стражу, время от времени, пока принимались меры в соответствии с обстоятельствами, распространяла добрые вести о состоянии принцепса, как вдруг молва сообщила одновременно и о кончине Августа, и о том, что Нерон принял на себя управление государством.

6. Первым деянием нового принципата было убийство Агриппы Постума, с которым, застигнутым врасплох и безоружным, не без тяжелой борьбы справился действовавший со всею решительностью центурион. Об этом деле Тиберий не сказал в сенате ни слова; он создавал видимость, будто так распорядился его отец, предписавший трибуну, приставленному для наблюдения за Агриппой, чтобы тот не замедлил предать его смерти, как только принцепс испустит последнее дыхание. Август, конечно, много и горестно жаловался на нравы этого юноши и добился, чтобы его изгнание было подтверждено сенатским постановлением; однако никогда он не ожесточался до такой степени, чтобы умертвить кого-либо из членов своей семьи, и маловероятно, чтобы он пошел на убийство внука ради безопасности пасынка. Скорее Тиберий и Ливия — он из страха, она из свойственной мачехам враждебности — поторопились убрать внушавшего подозрения и ненавистного юношу. Центуриону, доложившему, согласно воинскому уставу, об исполнении отданного ему приказа, Тиберий ответил, что ничего не приказывал и что отчет о содеянном надлежит представить сенату. Узнав об этом, Саллюстий Крисп, который был посвящен в эту тайну (он сам отослал трибуну письменное распоряжение) и боясь оказаться виновным — ведь ему было равно опасно и открыть правду, и поддерживать ложь, — убедил Ливию, что не следует распространяться ни о дворцовых тайнах, ни о дружеских советованиях, ни об услугах воинов и что Тиберий не должен умалять силу принципата, обо всем оповещая сенат: такова природа власти, что отчет может иметь смысл только тогда, когда он отдается лишь одному.

7. А в Риме тем временем принялись соперничать в изъятии раболепия консулы, сенаторы, всадники. Чем кто был знатнее, тем больше он лицемерил и подыскивал подобающее выражение лица, чтобы не могло показаться, что он или обрадован кончиною принцепса, или, напротив, опечален началом нового принципата; так они перемешивали слезы и радость, скорбные сетования и лесть. Консулы Секст Помпей и Секст Аппулей первыми принесли присягу на верность Тиберию; они же приняли ее у Сея Страбона, префекта преторианских когорт²⁶, и Гая Туррания, префекта по снабжению продовольствием; вслед за тем присягнули сенат, войска и народ. Ибо Тиберий все дела начинал через консулов, как если бы сохранялся прежний республиканский строй и он все еще не решался властвовать; даже эдикт, которым он созывал сенаторов на заседание, был издан им с ссылкой на трибунскую власть, предоставленную ему в правление Августа.

Эдикт был немногословен и составлен с величайшею сдержанностью: он намерен посоветоваться о почестях скончавшемуся родителю; он не оставляет заботы о теле покойного, и это единственная общественная обязанность, которую он присвоил себе. Между тем после кончины Августа Тиберий дал пароль преторианским когортам, как если бы был императором; вокруг него были стража, телохранители и все прочее, что принято при дворе. Воины сопровождали его на форум и в курию²⁷. Он направил войскам послания, словно принял уже титул принцепса, и вообще ни в чем, кроме своих речей в сенате, не выказывал медлительности. Основная причина этого — страх, как бы Германик, опиравшийся на столькие легионы, на сильнейшие вспомогательные войска союзников и исключительную любовь народа, не предпочел располагать властью, чем дожидаться ее. Но Тиберий все же считался с общественным мнением и стремился создать впечатление, что он скорее призван и избран волей народною, чем пробрался к власти происками супруги принцепса и благодаря усыновлению старцем. Позднее обнаружилось, что он притворялся колеблющимся ради того, чтобы глубже проникнуть в мысли и намерения знати; ибо, наблюдая и превратно истолковывая слова и выражения лиц, он приберегал все это для обвинений.

8. На первом заседании сената Тиберий допустил к обсуждению только то, что имело прямое касательство к последней воле и похоронам Августа, в чем завещании, доставленном девами Весты²⁸, было записано, что его наследники — Тиберий и Ливия; Ливия принималась в род Юлиев и получала имя Августы²⁹. Вторыми наследниками назначались внуки и правнуки, а в третью очередь — наиболее знатные граждане³⁰, и среди них очень многие, ненавистные принцепсу, о которых он упомянул из тщеславия и ради доброй славы в потомстве. Завещанное не превышало оставляемого богатыми гражданами, если не считать сорока трех миллионов пятиста тысяч сестерциев³¹, отказанных казне и простому народу, и денег для раздачи по тысяче сестерциев каждому воину преторианских когорт, по пятисот — воинам римской городской стражи³² и по триста — легионерам и воинам из когорт римских граждан³³. Затем перешли к обсуждению погребальных почестей; наиболее значительные были предложены Галлом Азинием — чтобы погребальное шествие проследовало под триумфальною аркой, и Луцием Аррунцем — чтобы впереди тела Августа несли заголовки законов, которые он издал, и наименования покоренных им племен и народов. К этому Мессала Валерий добавил, что надлежит ежегодно возобновлять присягу на верность Тиберию; на вопрос Тиберия, выступает ли он с этим предложением, по его, Тиберия, просьбе, тот ответил, что говорил по своей воле и что во всем, касающемся государственных дел, он намерен и впредь руководствоваться исключительно своим разумением, даже если это будет сопряжено с опасностью вызвать неудовольствие; такова была единственная разновидность лести, которая оставалась еще неиспользованной. Сенат единодушными возгласами выражает пожелание, чтобы тело было отнесено к костру на плечах сенаторов. Тиберий с высокомерною скромностью отклонил это и обратился к народу с эдиктом, в котором увещевал его не препятствовать сожжению тела на Марсовом поле, в установленном месте, и не пытаться совершить это на форуме, возбуждая из чрезмерного рвения беспорядки, как некогда на похоронах божественного Юлия³⁴. В день похорон Августа воины были расставлены словно для охраны, и это вызвало многочисленные насмешки всех, кто видел собственными глазами

или знал по рассказам родителей события того знаменательного дня, когда еще не успели привыкнуть к порабощению и была столь несчастливо снова обретена свобода и когда убийство диктатора Цезаря одним казалось гнуснейшим, а другим величайшим деянием; а теперь старика принцепса, властвовавшего столь долго и к тому же снабдившего своих наследников средствами против народовластия, считают необходимым охранять с помощью воинской силы, дабы не было потревожено его погребение.

9. И затем — бесконечные толки о самом Августе, причем очень многих занимал такой вздор, как то, что тот же день года, в который некогда он впервые получил власть, стал для него последним днем жизни³⁵ и что жизнь свою он окончил в Ноле, в том же доме и том же покое, где окончил ее и Октавий, его отец. Называли также число его консульств, которых у него было столько же, сколько у Валерия Корва и Гая Мария вместе³⁶: трибунская власть находилась в его руках на протяжении тридцати семи лет, титулом императора³⁷ он был почтен двадцать один раз, и неоднократно возобновлялись другие его почетные звания и присуждались новые. Среди людей мыслящих одни на все лады превозносили его жизнь, другие — порицали. Первые указывали на то, что к гражданской войне³⁸ — а ее нельзя ни подготовить, ни вести, соблюдая добрые нравы, — его принудили почтительная любовь к отцу и бедственное положение государства, в котором тогда не было места законам. Во многом он пошел на уступки Антонию, стремясь отомстить убийцам отца³⁹, во многом — Лепиду. После того как этот утратил влияние по неспособности, а тот опустил, погрязнув в пороках⁴⁰, для истощаемой раздорами родины не оставалось иного спасения, кроме единовластия; но, устанавливая порядок в государстве, он не присвоил себе ни царского титула, ни диктатуры, а принял наименование принцепса: ныне империя ограждена морем Океаном и дальними реками⁴¹; легионы, провинции, флот — все между собою связано; среди граждан — правосудие, в отношении союзников — умеренность; сам город украсился великолепным убранством; лишь немного было совершено насилием, чтобы во всем остальном были обеспечены мир и покой.

10. Другие возражали на это: почтительная любовь к отцу и тяжелое положение государства — не более как предлог; из жажды власти он привлек ветеранов щедрыми раздачами; будучи еще совсем молодым человеком и частным лицом, он набрал войско, подкупил легионы консула⁴², изображал приверженность к партии помпеянцев; затем, когда по указу сената он получил фасции и права претора и когда были убиты Гирций и Панса, — принесли ли им гибель враги или Пансе — влитый в его рану яд, а Гирцию — его же воины и замысливший это коварное дело Цезарь, — он захватил войска того и другого; вопреки воле сената, он вырвал у него консульство, и оружие, данное ему для борьбы с Антонием, обратил против республики; далее, проскрипции граждан, разделы земель, не находившие одобрения даже у тех, кто их проводил. Пусть конец Кассия и обоих Брутов — это дань враждебности к ним в память отца, хотя подобало бы забыть личную ненависть ради общественной пользы; но Помпей был обманут подобием мира, а Лепид личиною дружбы; потом и Антоний, усыпленный соглашениями в Таренте и Брундизии, а также браком с его сестрой⁴³, заплатил смертью за это коварно подстроенное родство. После этого, правда, наступил мир, однако запятнанный кровью: поражения Лоллия и Вара, умерщвление в

Риме таких людей, как Варрон, Эгнаций, Юл. Не забывали и домашних дел Августа: он отнял у Нерона жену и издевательски запросил верховных жрецов, дозволено ли, зачав и не разрешившись от бремени, вступать во второе замужество⁴⁴. Говорили и о роскоши Тедия⁴⁵ и Ведия Поллиона⁴⁶; наконец, также о Ливии, матери, опасной для государства, дурной мачехе для семьи Цезарей. Богам не осталось никаких почестей, после того как он пожелал, чтобы его изображения в храмах были почитаемы фламинами и жрецами как божества⁴⁷. И Тиберия он назначил своим преемником не из любви к нему или из заботы о государстве, но потому, что, заметив в нем заносчивость и жестокость, искал для себя славы от сравнения с тем, кто был много хуже. Ведь несколько лет назад, требуя от сенаторов, чтобы они снова предоставили Тиберию трибунскую власть⁴⁸, Август, хотя речь его и была хвалебною, обронил кое-что относительно осанки, образа жизни и нравов Тиберия, в чем под видом извинения заключалось порицание. Но так или иначе, после того как погребение было совершено с соблюдением всех полагающихся обрядов, сенат постановил воздвигнуть Августу храм и учредить его культ.

11. Затем обращаются с просьбами к Тиберию. А он в ответ уклончиво распространялся о величии империи, о том, как недостаточны его силы. Только уму божественного Августа была подстать такая огромная задача; призванный Августом разделить с ним его заботы, он познал на собственном опыте, насколько тяжелое бремя — единодержавие, насколько все подвластно случайностям. Поэтому пусть не возлагают на него одного всю полноту власти в государстве, которое опирается на столько именитых мужей; нескольким объединившим усилия будет гораздо легче справляться с обязанностями по управлению им. В этой речи было больше напыщенности, нежели искренности; Тиберий, то ли от природы, то ли по привычке, и тогда, когда ничего не утаивал, обычно выражался расплывчато и туманно. Теперь, когда он старался как можно глубже упрятать подлинный смысл своих побуждений, в его словах было особенно много неясного и двусмысленного. Но сенаторы, которые больше всего боялись как-нибудь обнаружить, что они его понимают, не поскупились на жалобы, слезы, мольбы; они простирали руки к богам, к изображению Августа, к коленям Тиберия; тогда он приказал принести и прочесть памятную записку⁴⁹. В ней содержались сведения о государственной казне, о количестве граждан и союзников на военной службе, о числе кораблей, о царствах, провинциях, налогах прямых и косвенных, об обычных расходах и суммах, предназначенных для раздач и пожалований. Все это было собственноручно написано Августом, присовокуплявшим совет держаться в границах империи, — неясно, из осторожности или из ревности.

12. На одну из бесчисленных униженных просьб, с которыми сенат простирался перед Тиберием, тот заявил, что, считая себя непригодным к единодержавию, он, тем не менее, не откажется от руководства любой частью государственных дел, какую бы ему ни поручили. Тогда к Тиберию обратился Азиний Галл: «Прошу тебя, Цезарь, указать, какую именно часть государственных дел ты предпочел бы получить в свое ведение?». Растерявшись от неожиданного вопроса, Тиберий не сразу нашелся; немного спустя, собравшись с мыслями, он сказал, что его скромности не пристало выбирать или отклонять что-либо из того, от чего в целом ему было бы предпочтительнее всего отказаться. Тут Галл (по лицу Тиберия он увидел, что тот раздосадован) разъяснил, что со своим во-

просом он выступил не с тем, чтобы Тиберий выделил себе долю того, что вообще неделимо, но чтобы своим признанием подтвердил, что тело государства едино и должно управляться волею одного. Он присовокупил к этому восхваление Августу, а Тиберию напомнил его победы и все выдающееся, в течение стольких лет совершенное им на гражданском поприще. Все же он не рассеял его раздражения, издавна ненавистный ему, так как, взяв за себя Випсанию, дочь Марка Агриппы, в прошлом жену Тиберия, он заносился, как казалось Тиберию, выше дозволенного рядовым гражданам, унаследовав высокомерие своего отца Азиния Поллиона.

13. После этого говорил Луций Аррунций, речь которого, мало чем отличавшаяся по смыслу от выступления Галла, также рассердила Тиберия, хотя он и не питал к нему старой злобы; но богатый, наделенный блестящими качествами и пользовавшийся такой же славой в народе, он возбуждал в Тиберии подозрения. Ибо Август, разбирая в своих последних беседах, кто, будучи способен заместить принцепса, не согласится на это, кто, не годясь для этого, проявит такое желание, а у кого есть для этого и способности, и желание, заявил, что Маний Лепид достаточно одарен, но откажется, Азиний Галл алчет, но ему это не по плечу, а Луций Аррунций достоин этого и, если представится случай, дерзнет. В отношении первых двоих сообщения совпадают, а вместо Аррунция некоторые называют Гнея Пизона. Все они, за исключением Лепида, по указанию принцепса были впоследствии обвинены в различных преступлениях. Квинт Гатерий и Мамерк Скавр также затронули за живое подозрительную душу Тиберия: Гатерий — сказав: «Доколе же, Цезарь, ты будешь терпеть, что государство не имеет главы?», а Скавр — выразив надежду на то, что просьбы сената не останутся тщетными, раз Тиберий не отменил своей трибунской властью постановления консулов⁵⁰. На Гатерия Тиберий немедленно обрушился, слова Скавра, к которому возгорелся более непримиримой злобой, обошел молчанием. Наконец, устав от общего крика и от настояний каждого в отдельности, Тиберий начал понемногу сдаваться и не то чтобы согласился принять под свою руку империю, но перестал отказываться и тем самым побуждать к уговорам. Рассказывают, что Гатерий, явившись во дворец, чтобы отвести от себя гнев Тиберия, и бросившись к коленям его, когда он проходил мимо, едва не был убит дворцовой стражей, так как Тиберий, то ли случайно, то ли наткнувшись на его руки, упал. Его не смягчила даже опасность, которой подвергся столь выдающийся муж; тогда Гатерий обратился с мольбою к Августе, и лишь ее усердные просьбы защитили его.

14. Много лести расточали сенаторы и Августе. Одни полагали, что ее следует именовать родительницей, другие — матерью отечества, многие, что к имени Цезаря нужно добавить — сын Юлии⁵¹. Однако Тиберий, утверждая, что почести женщинам надлежит всячески ограничивать, что он будет придерживаться такой же умеренности при определении их ему самому, а в действительности движимый завистью и считая, что возвеличение матери умаляет его значение, не дозволил назначить ей ликтора, запретил воздвигнуть жертвенник Удочерения⁵² и воспротивился всему остальному в таком же роде. Но для Цезаря Германика он потребовал пожизненной проконсульской власти⁵³, и сенатом была направлена к нему делегация, чтобы оповестить об этом и вместе с тем выразить соболезнование в связи с кончиною Августа. Для Друза надобности в таком назначении не было, так как он находился в то время в Риме и был избран консулом на следу-

ющий год. Тиберий назвал двенадцать одобренных им кандидатов на должности преторов — это число было установлено Августом — и в ответ на настоятельные просьбы сенаторов увеличить его поклялся, что оно останется неизменным.

15. Тогда впервые избирать должностных лиц стали сенаторы, а не собрания граждан на Марсовом поле, ибо до этого, хотя все наиболее важное вершилось по усмотрению принцепса, кое-что делалось и по настоянию триб⁵⁴. И народ, если не считать легкого ропота, не жаловался на то, что у него отняли исконное право, да и сенаторы, избавленные от щедрых раздач и унижительных домогательств, охотно приняли это новшество, причем Тиберий взял на себя обязательство ограничиться выдвижением не более четырех кандидатов, которые, впрочем, не подлежали отводу и избрание которых было предreshено⁵⁵. Народные трибуны между тем обратились с ходатайством, чтобы им было разрешено устраивать на свой счет театральные зрелища, которые были бы занесены в фасты⁵⁶ и назывались по имени Августа августалиями. Но на это были отпущены средства из казны, и народным трибунам было предписано присутствовать в цирке в триумфальных одеждах⁵⁷, однако приезжать туда на колесницах им разрешено не было⁵⁸. Впоследствии эти ежегодные празднования были переданы в ведение претора, занимавшегося судебными тяжбами между римскими гражданами и чужестранцами.

16. Таково было положение дел в городе Рима, когда в легионах, стоявших в Паннонии, внезапно вспыхнул мятеж, без каких-либо новых причин, кроме того, что смена принцепса открывала путь к своеволию и беспорядкам и порождала надежду на добычу в междоусобной войне. В летнем лагере размещались вместе три легиона⁵⁹, находившиеся под командованием Юния Блеза. Узнав о кончине Августа и о переходе власти к Тиберию, он в ознаменование траура освободил воинов от несения обычных обязанностей. Это повело к тому, что воины распустились, начали бунтовать, прислушиваться к речам всякого негодяя и в конце концов стали стремиться к праздности и роскошной жизни, пренебрегая дисциплиною и трудом. Был в лагере некий Перценний, в прошлом глава театральных клакеров, затем рядовой воин, бойкий на язык и умевший благодаря своему театральному опыту распалять сборища. Людей бесхитростных и любопытствовавших, какой после Августа будет военная служба, он исподволь разжигал в ночных разговорах или, когда день склонялся к закату, собирая вокруг себя, после того как все благоразумные расходились, неустойчивых и недовольных.

17. Наконец, когда они были уже подготовлены и у него явились сообщники, подстрекавшие воинов к мятежу, он принялся спрашивать их, словно выступая перед народным собранием, почему они с рабской покорностью повинуются немногим центурионам и трибунам, которых и того меньше. Когда же они осмелятся потребовать для себя облегчения, если не сделают этого безотлагательно, добиваясь своего просьбами или оружием от нового и еще не вставшего на ноги принцепса? Довольно они столь долгие годы потворствовали своей нерешительностью тому, чтобы их, уже совсем одряхлевших, и притом очень многих с изувеченным ранами телом, заставляли служить по тридцати, а то и по сорока лет. Но и уволенные в отставку не освобождаются от несения службы: перечисленные в разряд вексилляриев⁶⁰, они под другим названием претерпевают те же лишения и невзгоды. А если кто, несмотря на столько превратностей, все-таки выживет, его гонят к тому же чуть ли не на край света, где под видом